

Алло, это Никулин...

Фотограф Лев Шерстеников снимал Никулина много лет. Часто по его просьбе, еще чаще — без всяких просьб. Сегодня мы публикуем фотографии из архива ЛЬВА ШЕРСТЕННИКОВА, а он рассказывает, как их снимал.

«Алло, это Никулин... Лева, нужно придумать снимок на календарь. Слайд нужен завтра». Чего ж придумывать — назначайте время. Вы слышали про самодельный материал? Это про Никулина. Как ни сниму — все интересно. Он догадывается, что есть и покрасивее мужчины, и повеличественнее. А уж он такой как есть... Так ведь за то и любят. А снимок с ним рядом — как талисман. Думаете, он этого не знал?

Такой же звонок, только лет двадцать назад. Наконец-то купил Никулин в Валентиновке домик за выездом. По соседству — кумир молодости Михаил Жаров. Но оказывается, что тот терпеть не может собак, а Юрий Владимирович считает их равными человеку... Домик крохотный, да к тому ж и ветхий. «Можешь снять меня с плотниками? Удивительные ребята — совсем не пьют...» Что за вопрос — приехать. Да я уже там!

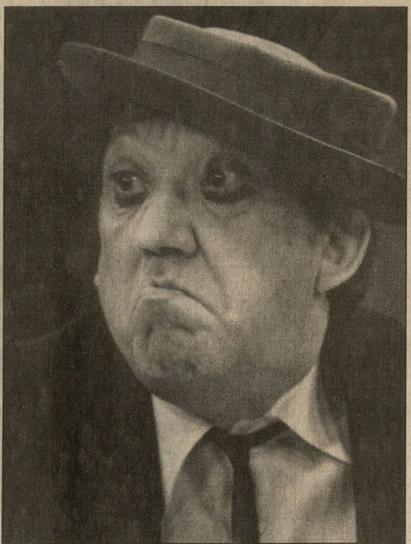
Потом: «Хорошая женщина, она для нас столько сделала. Сними со мной...» Еще кто-то с Никулиным, еще...

Большой листовой календарь — Юрий Владимирович поднимает стакан с водкой. Именно граненый (хотя в стакане — вода). Я прошу его надеть все награды. «Ну что ты, зачем же...» Немолодой и не слишком здоровый человек чуть улыбается с листа. А в глазах — грусть и теплота. Эта грусть весь год перед глазами. Когда на сердце кошки скребли, я смотрел на его лицо — и отходило. А вы говорите — Кашпировский...

Перебираю фотографии, попавшие под руку. На снимке — дуэт. Два Юрия. Это коллаж, сделанный (не мной) к предыдущему, семидесятилетнему юбилею Юрия Владимировича. Один Юрий в плоской шляпе с привычно ошалелым лицом сидит, другой стоит, положив руку на плечо сидящему. Первый прижимает к широкой груди вазу с поздравительными цветами. А из его рта вырывается облачко со словами: «Из всех искусств для нас важнейшим является НИКУЛИН!»

Другой юбилей, прошлогодний. Два Юрия — два ковбоя в шляпах, размером с ипподром. В руках у неукрящего Никулина — сигара. У одного из Юриев нога в шине. Шина разукрашена золотом — вроде как для образа. А нога-то по-настоящему болит. На одной из репетиций к юбилею Никулина Лужков (партнером Никулина был именно он) действительно повредил ногу...

А вот мэр заглянул в медицинский центр, ставший объектом всеобщего внимания. Здесь спит Никулин. Докладывают врачи. Почки не работают — пустышки.

Главная роль Юрия Никулина — клоун

Легкие плохие — обойдется. Кровь свернулась — обремся. А мне не дает покоя фраза, брошенная одним из врачей (не для моих ушей): «Здесь нечего ловить...» Но может быть, может быть?! Яви, Господи, чудо! К сожалению, чудес не бывает — все предопределено.

Когда умирает близкий человек, какой-то пласт жизни отмирает в нас. Максим, сын Никулина, сказал телезрителям: «Осиротели не только мы, семья. Осиротели все, кто хоть чуточку его знал...»

Я не знаю, как относиться к своей профессии. То ли фотограф убивает время, расплющивая и высушивая его, как бабочку между страниц книги. То ли вдыхает в него — время, в каждый его миг — вечную жизнь. Для меня фотографии бесценна уже тем, что она привела к Никулину. К тому же это память. А пока человека помнят — он жив...

В жизни и на сцене Юрия Никулина всегда окружали красивые женщины

В паре с Михаилом Шуйдиным Юрий Никулин выступал много лет

Алексей Герман: он был шут в высоком понимании слова

Юрий Никулин вошел в народное сознание как артист кинокомедии. При этом мы часто забываем, что в до-вольно короткой киносериале «Никулина» произошло встреча с двумя самыми радикальными российскими кинорежиссерами — Андреем Тарковским и Алексеем Германом. Когда Никулин появился в эпизоде «Андрей Рублева», несмотря на то что его роль была трагической, в зале всегда смеялись. Тарковский знал об этом, но не жалел. Он повторял, что жертвовал чистой эстетикой ради того, чтобы пригласить по-настоящему народного артиста. У Германа Никулин сыграл фронтového журналиста Лопатина. О Юрии Никулине рассказывает АЛЕКСЕЙ GERMAN.

Юрий Владимирович был солдатом. Не в высоком, поэтическом смысле, а в земном, народном. Ведь можно быть и из колхоза, а народным человеком не быть. Никулин всегда оставался народным человеком. Это было заметно по тому, как он говорил, как помогал себе рукой, как ладошку переворачивал. Он ведь воевал. Как-то мы ехали под Ленинград, и он показал мне дом — уцелевшую дачу, где стояла его часть во время войны. Он рассказал мне, что в блокаду они от авитаминоза и голода слепли. И у них в расчете на каждой пушке был один зрячий, а все остальные были слепые. Этот зрячий выводил их на позицию, и они стреляли.

Я так и не узнал, был ли Юрий Владимирович зрячим или слепым в своем экипаже,

но по тому, каким я его знал, он вряд ли мог себе раздобыть дополнительные витамины, и, может, он был тогда слепым солдатом.

Юрий Владимирович был актером эпического жанра. Он был шут. В высоком понимании слова. Не тот, который с бубенчиками, а тот, кто может и заплакать заставить. Они быва-ют талантливы, приспособлены только к цирку или способные к искусству более широкому. Никулин был из последних.

Он мог быть в кино эксцентрическим артистом, а мог быть и драматическим артистом. Мне кажется, что кино реализовало его далеко не полностью. Я думаю, что лучше, что он сделал в кино, наиболее близкое к тому, как он сам понимал эту профессию, — это

монах в «Андрее Рублеве». Мне кажется, там по-настоящему две хорошие роли — у Никулина и у Ролана Быкова.

В картине «Двадцать дней без войны» было иначе. Нужна была интересная личность, нужна была биография человека, которому легче жить в время войны, чем до и после войны. Такой характер мог на-щупать Никулин. Кстати, это не было так уж далеко от текста Симонова. Именно такой «Никулин» был у него описан — герой, похож на продавца шер-сти в Монголии, похож на клоуна, близорукий, сапоги со слишком широкими голенищами. То, как сделал это Никулин в картине, не было именно актерским достижением. Я помню, как на меня сердилась Людмила Марковна Гурченко, когда я говорил, что мы будем

работать на Никулина, будем «ложиться под Никулина». Конечно, Гурченко была в драматических ролях гораздо более умелой артисткой, но нам для того, чтобы из этого что-то получилось, нужно было «лечь под него». И все получилось.

Когда его снимали с роли в «Двадцати днях», когда меня отлучали от картины, я был уверен, что он ничего не знает. Но оказалось, что ему быстро донесли обо всем гриме-ры — в группе вообще угайт что-то очень сложно. Он тогда и вида не показал, что знает о наших неприятностях. Он улы-бался и продолжал работать. Ему хотелось играть эту роль, ему было интересно выйти за свои привычные рамки. Он это и сделал.

Я считаю, что он не был большим артистом, но он мог

бы им быть. Ведь в этом смысле и Жан Габен тоже не был большим артистом, но одновременно Габен был величай-шим артистом, хотя выражение лица у него всегда было одно и то же. Если бы Никулин попал к толковому человеку, он мог бы стать большим драматическим артистом. Но я подозреваю, что ему это не было нуж-но. Он просто занимался тем, что любил.

С Никулиным на съемках фильма было связано много смешных эпизодов. Мы как-то снимали в съемочном поезде, стоящем на путях. Там и жили. Был вагон-ресторан, в котором мы ели. Я как-то прихо-жу поевать, а там висит большо-шой портрет Сталина. Я ди-ректору и говорю: «Сталина уберите». А он мне: «Не уберу, пошел ты, знаешь куда...» Я

тогда пригрозил, что мы его вагон сейчас отцепим, дирек-тор подумал-подумал и Стали-на убрал. На следующее утро Никулин приходит на завтрак и говорит: «При Сталине корми-ли лучше».

С ним было очень легко ра-ботать. У нас, конечно, бывали с ним ссоры, но либо их прово-цировали люди вокруг, либо он считал, что я грубый — не по отношению к нему, а по отно-шению к группе. После фильма у нас сохранились хорошие от-ношения, но, как это часто быва-ет, после тесной совместной ра-боты (а мы работали над фильмом два года) люди расхо-дятся. Но я всегда знал, что могу ему позвонить.

Для меня остается загадкой, как он мог чем-то руководить. Он был человеком бесконечно добрым. Руководителю, навер-

но, в первую очередь требует-ся все-таки не доброта. А у него это было главное качество. Его всегда о чем-то просили, он всегда что-то для кого-то делал...

Однажды, когда мы попали на прием к какому-то нужному нам вождю, Никулин почти по-губил мне все дело: он не про-сил то, что нужно было нам для картины, а просил жилье для клоуна.

Он никогда не был ни дис-сидентом, ни героем. Он просто был нравственно очень чистым, очень крепким чело-веком. Я убежден, что он дур-ного поступка при всем жела-нии не мог бы совершить. У него внутри какой-то тоно-метр, «предохранитель» сидел, не позволяющий ему со-вершать безнравственные поступки.

Юра Никулин (в центре) в 1925 году

Школьник Юрий Никулин (в центре) во дворе. Фото 1932 года

На финской войне. Фото 1940 года

Солдат Никулин (второй слева) в годы Великой Отечественной войны

Юрий Никулин, жена Татьяна и собака Федор Никулин на даче

Юрий Никулин и Алексей Герман (в центре) на съемках фильма «Двадцать дней без войны»

Юрий Никулин и Константин Симонов встретились на съемках фильма «Двадцать дней без войны»